

Обычно я не срывался так, как тогда. Я не был агрессивным человеком и любой ценой избегал драк. Несмотря на это, я умел драться, хотя до смерти отца мои уроки были весьма ограниченными. Он настаивал на том, чтобы я умел держать себя в руках, защищать себя и, что еще важнее, свою семью. Сильный человек - это человек, которого боятся, - повторял он снова и снова, - и никто не посмеет связываться с тем, кого боятся. По правде говоря, мне казалось, что он тренировал меня, чтобы я когда-нибудь занял его место, как будто он знал, что его время вышло.

Отец всегда был закрытым в отношении некоторых аспектов своей жизни, да и мама тоже. Через некоторое время я привык к их закрытой жизни и решил, что это к лучшему. Ничего плохого, ничего страшного. Я ни на что не обижалась. У каждого были свои секреты, может быть, призрачное прошлое, о котором он не хотел рассказывать. Пару раз я даже подшучивал над ними и говорил, что они тайные шпионы правительства, как папа. Пока все не стало для него плохо, причем очень быстро.

Он стал вести себя так, будто кто-то за ним охотится. Однажды я подслушивал возле родительской спальни и услышал, как он сказал, что начал слышать голоса, которые шептали ему в уши по ночам и говорили, чтобы он делал ужасные вещи. В то время я был еще младше и не хотел вникать в эти сложности. Наверное, в глубине души я боялся, боялся, что идеальный образ моей семьи будет испорчен.

После этого ничего не изменилось. Мама стала периодически болеть. Она уже не могла работать в офисе, а папа становился все более тревожным и параноидальным. Поэтому он настоял на том, чтобы я научился драться, готовить, чинить машины и даже бытовую технику. Он готовил меня к выживанию, к миру, в котором я могу остаться один. Он никогда не признавался в этом, но я действительно знал, что скоро случится что-то плохое...

Потеря отца была самой тяжелой частью моей жизни. Тогда же начали падать костяшки домино моего дерьмового проклятия. Теперь я был мужчиной в доме, и долгие годы моя жизнь представляла собой сложное испытание - балансировать между работой, учебой и заботой о маме.

Но я не жаловался. Ради мамы я готов был на все. Она стоила любых усилий.

Я вошёл в больницу, и персонал слишком хорошо меня знал. Сесил, симпатичная белокурая медсестра за кассой, внимательно посмотрела, в каком я состоянии, и поспешила помочь. Мне быстро обработали небольшой порез на голове, наложили швы, приложили лед, чтобы снять отек, и сделали снимок моих внутренностей. Сломанных костей не было. По крайней мере, это была хорошая новость. Хотя я чувствовал себя так, словно меня переехал поезд. Я поблагодарил персонал и, прихрамывая, пошёл в палату к маме, держа в руках пустые цветы. Когда я дошел до ее палаты в отделении интенсивной терапии, счастливая улыбка на ее лице сразу же исчезла.

— Мой хихо (мой малыш), что случилось? — кричала мама, глядя на повязку, обмотанную вокруг моей головы.

— Ничего страшного, мама. Извини, что не смог принести тебе твои розы.

— Опять эти хулиганы, да? — сказала она, глядя на меня умным взглядом своих темно-карих глаз. — Я же сказала, чтобы ты их побил. Они оставят тебя в покое, как только ты дашь отпор им!

Я захихикал, закрывая за собой дверь, прежде чем поцеловать ее в лоб и занять место у ее кровати: — Знаешь, именно из-за таких советов я и попал в такую переделку.

— Не может быть! То есть ты действительно сопротивлялся?

— Трое против одного. Я бы справилась с ними, если бы они не играли так грязно.

Она стиснула зубы: — Жалкие петухи.

Я фыркнул. Моя мать была свободолюбивой, приземленной, дерзкой латиноамериканкой. У нее был сильный акцент, поэтому, когда она ругалась по-английски, это звучало вдвойне грубее. Она вызывала у меня улыбку, но мысль о ее состоянии заставляла меня снова погрузиться. Она слишком долго находилась в палате интенсивной терапии, и врачи до сих пор не могли понять, что с ней. Застрявшая в аппарате искусственной вентиляции легких, она не могла передвигаться. Ее органы постепенно отключались, и мне сказали, что прогноз был мрачным.

Моя мама была прекрасна в душе и снаружи - русые волосы, загорелая кожа, нежные проникновенные глаза, и в то же время заботливый характер, который просто притягивал. Эти врачи могли говорить мне все, что хотели. Я надеялся. Я должен был верить, это было единственное, за что мне оставалось держаться. О том, чтобы отказаться от матери, не могло быть и речи. Я уже потерял всех остальных. Я никак не мог потерять и ее...

— Как школа?

— Дорого, — раздраженно вздохнула я в ответ. — Плохо уже то, что нам пришлось продать наше старое жилье, чтобы позволить себе это. Каждый год они добавляют кучу новых расходов, взвинчивают цены и добавляют несколько разных сборов.

— Я знаю, знаю. Эти жадные до денег люди не знают, когда им пора остановиться. Но Карфагенский университет - это школа Лиги плюща. С такой репутацией в резюме ты можешь устроиться на любую работу по всей стране.

— Или мы можем устроить тебя в другую больницу, например, в ФениксМед? Там врачи просто чудотворцы.

— Я не хочу туда переводиться, мой хихо.

— И ты до сих пор не назвала мне веской причины.

— Просто мне это не нравится...

— Мам, мне нужна более веская причина, чем эта. Я знаю, что там дороговато, но...

— Мне здесь нравится. Персонал приятный, помещение чистое, а по телеку показывают мое мыло. Кроме того, нам нужно удержать тебя в Карфагене. Я хочу, чтобы ты закончил университет и нашёл хорошую уютную высокооплачиваемую работу. Ты слишком умён для этой типографии.

— Ты знаешь, мама, я не люблю жаловаться, но мы и так едва справляемся. Дела идут туго. Но если я просто брошу...

— Нет, — сурово отказалась она. — Я не позволю, чтобы мой единственный сын лишился прекрасного образования ради меня! Ты останешься в этой школе, и точка. Я ставлю на тебя все свои ставки, Айзек, — сказала она, ее глаза стали стеклянными, — не смей меня подводить. Ты понял?

— Конечно, мама, — я нахмурился. Она что-то не договаривала, это был еще один из тех секретов, которые она любила хранить. Только на этот раз меня это беспокоило. Мне нужна была более веская причина, почему она отказалась ехать в ту больницу. Статистика из Феникса показывала рекордно высокие показатели диагностики, а также высокие показатели выздоровления и реабилитации. Если бы я стал расспрашивать ее дальше, она бы расстроилась, а я не хотел усугублять ее положение.

Поэтому я вообще отказался от этой темы. Мы пошли на жертвы ради ее мечты о том, чтобы я закончил этот вуз, продали наш хороший дом и переехали в маленькую квартиру в городе, сократили домашний уход за ней, прекратили ежегодные отпуска. И все это ради получения степени бакалавра в этом высшем учебном заведении. Но мое мнение не имело значения, потому что я хотел видеть ее счастливой. После всего, что ей пришлось пережить... Я просто хотел видеть маму счастливой...

— Саша передает привет, — сказал я, разрывая тишину между нами. Я видел, что мама смотрит на меня, не поднимая головы. Ее волновало, что я волнуюсь за нее. Я ничего не мог с этим поделать. Казалось, что каждый раз, когда я входил в это место, плохие новости были где-то рядом. Но в этот раз мои мысли были заняты чем-то другим.

— Дорогой, ты выглядишь более подавленным, чем обычно.

— Я в порядке. Правда. Просто думаю о том, как мне изменить свое расписание.

— Для чего?

— Моего отдыха.

— О? У тебя будет прогулка? Наконец-то общаешься с новыми друзьями?

— У меня свидание, — сказал я прямо.

Она одарила меня взволнованной улыбкой: — Свидание?! С кем?

— С Сашей, девушкой с цветами"

Она вскрикнула, и ее громкий крик счастья заставил меня подпрыгнуть. Мама потянулась ко мне и схватила меня с такой энергией, о которой я и не подозревал, прижав к своей большой груди: — О, мой мальчик наконец-то возвращается на сцену знакомств! У меня будет внук!

— М-ма-мама! Ты меня душишь! — процедил я.

— И как раз вовремя! Сколько тебе, двадцать? Одна девушка? Если ты вообще можешь назвать Джессику девушкой! Скорее, это просто интрижка! В отличие от Джессики, она подает большие надежды! Такая милая и прекрасная девушка! Нежная и заботливая! Она была бы тебе отличной женой!

— Не могу дышать! — взмолился я, пытаюсь вырваться из ее театральных уст.

— О, прости, мой хихо! Я так рада за тебя! — она отпустила меня, а моя мама все еще была вне себя от радости. — Лучше бы ты надел ту модную рубашку, которую я подарила тебе на 19-летие. И одеколон из Сицилии, который ты никогда не используешь. И никаких отсылок на видеоигры. Я все еще пытаюсь понять, что такое KDR.

Я ухмыльнулся.

— Ты можешь использовать серебристый «Корвет» твоего отца в гараже. Уверен, она будет более чем впечатлена твоей урутостью.

Я хмыкнул: — То есть кнут?

— То, что сейчас в ходу на новом жаргоне, — она с любопытством сузила на меня глаза. — Но ты не выглядишь слишком счастливым из-за своего свидания, Айзек. Что случилось?

— Наверное, я боюсь облажаться.

Ее взгляд на меня смягчился: — Ты ведь знаешь, что во всем, что происходит в нашей жизни,

нет твоей вины? Это дерьмовое шоу, этот удар невезения... ты тут ни при чем.

— Я же сказал тебе, что чувствую себя как проклятый. Я просто не хочу, чтобы Саша пострадала, вот и все.

— С ней все будет в порядке.

— Ты этого не знаешь, мама. Посмотри, что с тобой происходит...

Она положила свою руку поверх моей на край кровати, ласково глядя на меня: — Тебе не стоит беспокоиться об этой старой карге. Я довольна. Что бы ни случилось, я готова к этому. Я смирилась с этим. У меня был любящий ирландский жеребец муж, близкие и заботливые друзья, красивый дом, высокооплачиваемая работа и, самое главное, ты. Если я сейчас уйду, я смогу сказать, что у меня была прекрасная жизнь. А мой единственный сын сделал ее в сто раз лучше. Ты - мое сердце, Айзек, ты ведь знаешь об этом?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы ты помнил, что я очень сильно тебя люблю. Больше всего на свете...

— Я тоже тебя люблю, мама, — я сладко улыбнулся.

— О чем бы я жалела, так это о том, что ты не вырос и не стал еще лучше. С твоим обаянием и доброй душой ты сможешь добиться всего. Небо - это предел. У тебя прекрасная душа твоего отца, не говоря уже о его красивых густых волосах. Ты перенял его заботливый характер, а также его напористость. Регус был твоим кумиром, и если бы он был сейчас жив, он бы очень гордился тобой, Айзек.

— Да ладно, мам, давай не будем говорить о том, что все закончилось. У меня и так был хреновый день. Не хочу усугублять его.

— Не позволяй этим хулиганам доставать тебя, хун (милый).

— Ну, была одна хорошая вещь, которая произошла. Какой-то случайный парень пришел на спасение. Джейсон и его дружки-задроты сразу отпрыгнули от меня, когда увидели его. Очень крутой парень. Подарил мне вот это, — я вытащил монету, и мамино лицо мгновенно побледнело. — Он сказал, что это счастливая монета, и у меня сложилось впечатление, что она может исполнять желания.

— Почему он дал тебе ее, Айзек? — ее неровный голос дрогнул.

— Понятия не имею. Может быть, пожалел... — она выхватила монету у меня из рук и

швырнула ее через всю комнату.

Я обернулся к ней в замешательстве, мои губы приоткрылись, поскольку все ее настроение стало кислым: — Мама?

— Не бери ничего, что тебе дадут в Эфирном городе, мой малыш! — прошептала она под тяжелым дыханием. — Обещай мне...

— Хорошо.

— ОБЕЩАЙ МНЕ!

Я задыхался: — Мама, я даю тебе слово.

Ярость в ее глазах утихла, и мама наконец опустила напряженные плечи. Вздохнув, она попыталась успокоиться, а затем сказала: — Теперь иди на свое свидание и хорошо проведи время.

— Но...

— Мы поговорим об этом завтра утром, — сказала она с принужденной улыбкой. — Ты можешь рассказать мне обо всем по телефону. Хорошо?

<http://tl.rulate.ru/book/92494/3153130>